

№19 (30516) 21—27 февраля 2017 года

В конце зимы 1942 года, то есть 75 лет назад, моя мама Нина Ивановна Горбунова-Посадова, урождённая Беневская, получила официальное извещение, что её младшая сестра Елизавета Ивановна Беневская (1915 года рождения), сражавшаяся с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой, «пропала без вести».

МАМА и её младшие сёстры Вера и Соня рассказывали мне о тёте Лизе, или, как её звали в семье, Ляле, которая после окончания с отличием Дубровской школы в Брянской области приехала вместе с моей мамой в Москву, поступила в энергетический техникум и с отличием окончила его, затем преподавала, а незадолго до войны поступила в Московский энергетический институт, со второго курса в первые же военные дни добровольно ушла на фронт. Рассказывали также, что, несмотря на врождённый порок сердца, она много занималась спортом, прыгала с парашютной вышки. Хорошо играла на гитаре и пела, у неё был красивый низкий голос. Любила и читала наизусть стихи Маяковского. Была активной комсомолкой, а перед войной стала кандидатом в члены ВКП(б).

В детстве я ещё не знала, что попала Лиза в ту самую разведывательно-диверсионную часть 9903, где служила и Зоя Космодемьянская. Естественно, эта часть особого назначения была засекречена, и только позднее нам стало известно, что Лиза участвовала в выполнении четырёх боевых заданий, переходя линию фронта. Сама она не могла поведать сёстрам о своих секретных походах. Единственное, что мама хорошо запомнила, это большая скорбь Лизы по погибшему, видимо, при первом же боевом задании товарищу Курту, немцу-интернационалисту. Но даже о нём, кроме его имени, наша семья ничего не знала.

Перед последним для Лизы заданием, которое было дано ей «внепланово», чтобы поддержать группу более юных девушек, с ней виделся в Москве и провожал до метро «Парк культуры» мой папа — Михаил Иванович Горбунов-Посадов. Она тогда на прощание сказала ему: «Знаешь, Миша, мне кажется... я не вернусь».

И действительно, с четвёртого задания в январе 1942 года Лиза не вернулась.

* * *

В нашем доме бережно хранились немногие Лизины документы и фотографии. Рассматривая их, я была очень горда тем, что у меня такая замечательная тётя. Но в душе ныла заноза, оборачивавшаяся обидой, что фактически судьба её оставалась неизвестной. В голове роились всякие версии, одна страшнее и героичнее другой. Однажды в телевизионной передаче, посвящённой Зое Космодемьянской, я услышала фамилию Спрогис. Тут же спросила маму о нём, и она мне сказала, что он был командиром воинской части, где служила тётя Лиза. Именно через него мама пыталась узнать что-нибудь подробнее о судьбе сестры, но каждый раз получала всё один и тот же ответ: «Пропала без вести 19 января 1942 года».

И вот, уже в 1989 году, неожиданно мне позвонила моя тётя Вера Ивановна, которая к тому времени из четверых сестёр Беневакских единственная оставалась в живых. Она мне и сообщила, что с ней связались ребята из группы «Поиск» московской школы № 15 (теперь у неё другой номер — 1272) Пролетарского района и попросили о встрече, так как у них есть некоторые материалы, касающиеся Елизаветы Ивановны Беневакской.

На встречу к нам приехали Ольга Алексеевна Гурычёва, учительница этой школы, руководившая группой «Поиск», и Маргарита Михайловна Паншина (урождённая Каравай), бывший боец Лизиной и Зои Космодемьянской части. Прежде всего они хотели убедиться, что наша Лиза была именно той самой Лизой Беневакской, ибо в первых рассказах однополчан она ошибочно звалась Лизой Чарской.

Мы показали старые фотографии моей тёти, и Маргарита Михайловна смогла разглядеть особую примету — небольшой шрам над правым глазом, который был у Лизы с детства из-за упавшей при вечернем чтении керосиновой лампы. А тогда, в 1941—1942 годах, Маргарита Михайловна считала, что это был след от зарубцевавшейся ранки после одного из первых боевых походов Лизы. Вот так было установлено, что девушка, героически погибшая в январе 1942 года близ деревни Дунино Калужской области и похороненная тогда в той же деревне, и есть наша Лиза — Елизавета Ивановна Беневакская.

* * *

Сразу же я и Маргарита Михайловна написали письмо-запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР. Ответа пришлось ждать довольно долго, однако в конце концов пришло такое письмо:

«Сообщаю, что в имеющихся материалах разведотдела штаба Западного фронта за 1942 год имеется отчёт о работе отряда под командованием политрука Кагана за

период с 16 по 21 января 1942 года.

В отчёте указано: «...В районе Сосновцы, Головино всей группой была устроена засада противника. Были тяжело ранены три бойца — Беневская Елизавета, Кутакова Лия и Елина Екатерина...

21 января 1942 года личный состав группы был выведен из тыла противника в районе Свердлово. Тяжело раненные оставлены в землянках партизанского отряда, в котором комиссаром был Булычёв Василий Петрович. Других данных о судьбе Беневской Е.И. не имеется.

По имеющимся данным, приказом по войскам Западного фронта от 17 февраля 1942 года Беневская Е.И. была награждена орденом Красной Звезды.

Подполковник Смирнов».

В извещении было сказано именно так: что Беневская Елизавета ранена, а не убита. И на это я сразу же обратила внимание! Это меня озадачило, и потом на долгие, как оказалось, годы, оставался вопрос...

* * *

В том же году О.А. Гурычёва организовала в своей школе встречу ветеранов в/ч 9903, знавших Лизу как по её боевым заданиям, так и по кратким моментам отдыха, со школьниками-поисковиками, родственниками Лизы и теми, кому довелось стать свидетелями событий осени — зимы 1941—1942 годов в районе памятного боя.

Постепенно мне становились всё яснее смысл его и значение. Это было на лесной дороге уже примерно в 120 километрах от Москвы, где начиналась калужская земля и куда после начала в декабре 1941-го нашего контрнаступления гнали немцев из ближнего Подмосковья. Задача состояла в том, чтобы создать оккупантам при их отходе максимально невыносимые условия. С этой целью и была послана сюда группа Екатерины Пожарской из в/ч 9903, в которую входила Лиза Беневская.

Сводный разведывательно-диверсионный отряд, соединивший также группы Николая Семёнова и Самуила Кагана, должен был действовать в контакте с местным партизанским отрядом, которым командовал В.Н. Гаев.

Меня во время встречи в школе с отрядом «Поиск» особенно заинтересовал рассказ Василия Николаевича Глаголева, писателя, публициста, тоже поисковика, уроженца

тех калужских мест. С 1963 года он стал заниматься поисковой работой, в частности, историей партизанского отряда Гаева, а уже в начале 80-х годов написал документальную повесть об этом отряде. На нашей встрече он рассказал:

«Мне и другим поисковикам удалось выйти на несколько человек из местных, хотя живших теперь в разных городах, которые поделились своими воспоминаниями. В их числе был и Михаил Сафронович Азаренков, житель деревни Рахманино, который рассказал, как он с товарищами по отряду Гаева участвовал в спасении раненной в бою близ деревни Дунино разведчицы Кутаковой Лии Петровны, тогда здравствовавшей и жившей в Москве. Он дал мне её адрес, и по адресу я разыскал Л.П. Кутакову, а затем постепенно и многих других бойцов. Так я встретил реальных свидетелей того боя, узнал имена погибших двух девушек и одного парня из части Спрогиса. В их числе была и Лиза Беневская.

Долгое время считалось, что все погибшие в том бою соотечественники (погибших гитлеровцев, а их было около двухсот, немцы хоронили сами, а где — мне неизвестно) были сначала похоронены в деревне Дунино, а потом их останки перенесли в братскую могилу в селе Передел.

Но однажды мне выпала, казалось бы, совершенно невозможная удача: позвонил житель деревни Дунино и сообщил, что он лично помогал своему отцу вывозить, а потом и предавать земле тела погибших в лесу, где состоялся тот значимый бой. Похоронили погибших не в братской воинской могиле, а на деревенском кладбище, в пустом окопе. Так произошло, поскольку погибшие были ошибочно отнесены сельчанами впопыхах к обычным беженцам, а не к бойцам Красной Армии.

Оставалось неясным некоторое время: почему погибшие бойцы не были похоронены товарищами сразу после боя. Это прояснилось при встрече моей с Галкиным, командиром истребительной группы партизанского отряда Гаева. Галкин пояснил, что в силу кратковременности контакта с московской диверсионной группой в отряд Гаева не поступила информация о погибших, хотя бойцы Галкина вывезли с поля боя раненую Е. Елину. Ночью они других бойцов в лесу не нашли. Искать утром было опасно, так как немцы на следующий день возобновили движение по этой дороге, прерванное героическим боем. Лыжникам был дан приказ возвращаться в Москву, а отряду Гаева — в Можайск, на второй день после его освобождения. В отряде рассудили, что если на поле боя и остались погибшие, что было не очевидно, то их похоронят местные жители, что в итоге и состоялось».

* * *

На той же встрече интересно выступила Маргарита Михайловна Паншина:

«Лиза пришла к нам, в группу Кати Пожарской, под новый, 1942-й год. Для неё это было уже четвёртое боевое задание. Некоторые из нас знали, что Лиза была на первом задании в группе знаменитого в нашей части Григория Герчика. О нём много рассказывали легенд, он из первых командиров групп тов. Спрогиса.

В январе 1942 года мы снова отправились в тыл врага. Лиза была почти ровесницей Кати Пожарской, и мы смотрели на неё как на взрослую серьёзную женщину. На её широком открытом лице был небольшой шрам. Я так и не решилась расспросить о нём. Она мало рассказывала о себе, была несколько замкнута, немногословна.

Каждый раз, когда нас отправляли на очередное задание, подчёркивалось: не вступать в открытый бой. Мы должны быть «невидимками», совершая как можно больше диверсий. В бой вступать только тогда, когда от него уже нельзя уйти.

Вот и в это задание мы были направлены главным образом для минирования дорог, по которым должны были отступать от Москвы вражеские обозы. Но, видя отступающего врага с награбленным добром, нагруженным на повозки, сопровождаемые небольшой техникой, руководство наших групп принимает решение: организовать засаду и уничтожить отступающие части фашистов вместе с их обозами. Имелось в виду и ещё вот что: создать таким образом затор для последующих вражеских обозов.

Выбрали позицию у деревни Сосновцы (северо-западнее Боровска). Весь день готовились к засаде, проверяли оружие. Когда стемнело, отряд в количестве 35 человек под командованием комиссара объединённого отряда С.Г. Кагана на лыжах выступил к месту боя. Залегли на бугре вдоль дороги, проходящей через лес: группы Семёнова и Ильина на флангах, группа Пожарской — в центре. Показался обоз. Комиссар Каган дал выстрел — сигнал к началу боя. Немцы не ожидали засады и в первый момент сильно растерялись. Но затем быстро к ним подоспело подкрепление, и завязался упорный неравный бой.

Пули свистели над головой. Наша позиция была не очень удачной. Во время боя Лиза Беневская была рядом с Катей Пожарской и Надей Жегловой. Бой шёл минут 40. Затем последовал приказ отходить. При отступлении я Лизу Беневскую не видела, мы шли с другой Лизой — Крыловой, шли по старой нашей лыжне.

Когда собрались в деревне, оказалось, что из леса не вернулись Лиза Беневская, Надя Жеглова, Катя Елина и Лия Кутакова. Ребята, отправившиеся обратно в лес за ними,

привезли только одну Катю Елину, а Лию, Лизу и Надю — нет. Это было такое потрясение!

Потом оказалось, что раненая Лия уползла, поэтому её тогда не нашли. Она в другую деревню попала...»

Последней, с кем разговаривала моя тётя Лиза, была командир группы Екатерина Яковлевна Пожарская. Вот что она написала в своих воспоминаниях:

«Лиза стреляла почти у самой дороги, укрывшись между стволами берёз, такая же белая в маскировочном костюме и стройная, как они. Она крикнула:

— Девчата, идите! Я прикрою вас!

Только успела я сделать несколько выстрелов, как слышу её стон:

— Нет, девчата, не могу — видно, отстрелялась уже я».

* * *

Осенью 1989 года по инициативе О.А. Гурычёвой была организована очередная поездка к месту последнего боя Лизы. Добраться до сёл Сосновцы и Дунино Калужской области оказалось непросто. Ехали в большом экскурсионном автобусе и ребята группы «Поиск», и однополчане Лизы, и публицист-писатель Василий Николаевич Глаголев, и я со своей старшей дочерью Еленой. Бездорожье заставило нас в конце концов выйти из автобуса и далее идти пешком километра два до деревни Дунино, к месту захоронения троих героических бойцов.

Когда пришли, то увидели, что могила ухожена и на ней уже стоит памятная плита с именами похороненных: Е.И. Беневская, Н.А. Жеглова, М.П. Новиков.

А потом все мы отправились в дом семьи Валентины Николаевны Моисеенковой. Она-то нам и рассказала, как её будущий муж А.Е. Моисеенков и его друг Н.И. Бирюков, будучи 17-летними разведчиками партизанского отряда В.Н. Гаева, в начале февраля 1942 года нашли тогда неизвестных им убитых — одного мужчину и одну женщину, а когда подошли ближе к деревне, нашли ещё одну женщину. Совершенно раздетую и со следами колотых ран! Вывезли на санках всех троих в село, положили около церкви, так как сразу похоронить не было возможности: земля слишком замёрзла. И только в конце февраля их похоронили Фёдор Хотулёв и Николай Чёкин. За могилой все последующие годы ухаживала семья Моисеенковых.

* * *

В Дунино я снова приехала только в 2005 году, когда уже написала книгу о своей тётке Е.И. Беневской «Воскрешение из забвения. Лиза». Я подарила Валентине Николаевне эту книгу, тогда же познакомилась и со старшим её сыном — Василием. Это именно он, будучи ещё 14-летним подростком, поставил металлический крест на могиле трёх бойцов, которая тогда была ещё безымянной. Он же недавно восстановил памятную звёздочку в лесу, на месте боя, — после мародёрской утраты первой.

Некоторые неточности в документах, относившихся к Е.И. Беневской, не позволили ещё жившим сёстрам Лизы получить орден Красной Звезды, которым она посмертно была награждена. Произошла и ошибка в газете «Красная звезда» от 12 февраля 1942 года, где фамилия Лизы была напечатана как БЕШЕВСКАЯ. И только в 2005-м мне удалось получить копию приказа о награждении Е.И. Беневской.

А вот в выписке из приказа командующего войсками Западного фронта Г. К. Жукова №191 от 17 февраля 1942 года о награждении орденом Красной Звезды её фамилия была указана верно — БЕНЕВСКАЯ. Был там и наш домашний адрес военных лет, по которому пришло извещение о неизвестной тогда судьбе Лизы.

Показательно, что в письменном представлении Лизы к награде было также заявлено, что она раненая, а не убитая. А ведь я обратила внимание на это, если помните, ещё в извещении 1989 года! Так вот, история оказалась с продолжением...

С конца 80-х годов уже прошлого века я стала помогать ветеранам в/ч 9903 готовить материалы для школьного музея с последующей передачей их в государственный архив. Были составлены списки всех бойцов с указанием участия каждого в военных операциях в тылу противника, а также в каком месте кто и когда погиб или же «пропал без вести». Я также помогала ветерану части Клавдии Васильевне Сукачёвой, ушедшей из жизни в 2014 году, готовить памятный военно-исторический альбом, посвящённый комсомольцам-добровольцам воинской части особого назначения 9903 разведотдела штаба Западного фронта, действовавшей в тылу врага в 1941—1942 годах.

А теперь списки бойцов, оцифрованные, находятся «в работе» уже потомков воинов той части. И эта работа ведётся под пристальным вниманием Маргариты Михайловны Паншиной, так как до сих пор её волнует судьба «пропавших без вести» боевых товарищей.

* * *

И вот 8 января 2016 года мы с Александром Логиновым, племянником одного из бойцов в/ч 9903, считающегося также до сих пор «пропавшим без вести», опять прибыли в деревню Дунино. Нас радушно встретили Валентина Николаевна Моисеенкова и её сыновья Василий и Юрий.

Валентина Николаевна поведала нам подробно о своём военном детстве, о трудных послевоенных годах и, что меня особенно потрясло... о мученической смерти моей тёти Лизы! Рассказ Валентины Николаевны был мною записан, напечатан и подписан В.Н. Моисеенковой, а затем удостоверен администрацией Медынского района.

Вот этот рассказ, переданный Валентиной Николаевной со слов своего мужа Н.Е. Моисеенкова:

«Зимой 1941/1942 годов я и Коля Бирюков (нам было по 17 лет) были разведчиками в партизанском отряде. Жили мы в селе Рахманино. Однажды, уже в феврале, когда наше и соседние сёла были освобождены Красной Армией, мы шли через лес из Рахманино в Дунино.

Недалеко от места боя, который был 19 января 1942 года, нашли двух убитых: они были одеты, только без верхней одежды, и разуты. Повезли их на санках в ближайшую деревню Дунино. Выходя из леса, около дороги, у сосны, нашли ещё одну убитую женщину — раздетую, с выколотыми глазами, с вырезанной грудью, сломанными пальцами, с разрывной раной в плече. Наверное, немцы гнали её в Дунино. Её тоже мы положили на санки и всех троих повезли в Дунино. Там мы их положили около церкви иконы Казанской Божьей Матери, на центральной площади. Так как земля была промёрзшая, их хоронили уже позже жители деревни Дунино Фёдор Хотулёв и Николай Чёкин на сельском кладбище, на краю оврага. Сделали небольшой холмик. Не было никаких сведений о том, кто же эти погибшие. А меня и Колю тогда же призвали в Красную Армию».

Про похороны я знала и раньше, но теперь из рассказа Валентины Николаевны выходило, что Лиза действительно в бою была ранена, а не убита и, будучи раненой, попала в лапы фашистов — скорее всего тех, кто подбирал трупы своих однополчан. И эти немцы, возможно, были из той же гитлеровской части, где издевались над Зоей Космодемьянской. Обозлённые вынужденным отступлением, они, наверное, всюду поиздевались и над Лизой, гонимой ими с места боя не менее полутора-двух километров.

Невыносимо тяжело всё это представлять, но приходится!

Сопоставив все факты — ранение разрывной пулей Лизы Беневской (о чём писала в своих воспоминаниях участница лесного боя Екатерина Яковлевна Пожарская, командир девичьей группы в/ч 9903) и то, что не было обнаружено её тело на месте боя посланными Семёновым бойцами, мы, то есть я — Т.М. Осипова, М.М. Паншина и В.Н. Глаголев, составили письмо и отправили его с рядом приложенных к нему документов, заверенных соответствующими подписями и печатью, в Министерство обороны Российской Федерации.

Кроме того, Василий Николаевич от своего имени отправил в администрацию Медынского района Калужской области письмо, в котором заявил: получены реальные доказательства, что Е.И. Беневская около 17 часов 19 января 1942 года была схвачена раненой немцами, была ими подвержена нечеловеческим пыткам, то есть совершила подвиг мужества, сопоставимый с подвигами Зои Космодемьянской, Веры Волошиной, Лизы Чайкиной и других советских женщин-патриоток. Высказал мнение, что она достойна звания Героя России. Это награждение, написал он, следовало бы произвести по ходатайству администрации и общественности Медынского района Калужской области. Таково мнение и председателя общественного совета при министерстве обороны России.

* * *

А 28 октября 2016 года Василий Николаевич Глаголев, истинный патриот и подвижник, скоропостижно скончался. Светлая память ему и всем, кто сохранил и сохраняет для нас память о героях Великой войны, в том числе о славных бойцах войсковой части 9903!

Но есть и ещё одна горечь у меня. На мои неоднократные письма к президенту России с просьбой передать мне и моей семье на вечное хранение орден Красной Звезды, окроплённый кровью Елизаветы Беневской, я получаю от МО РФ отказ — по причине «недостаточной степени родства» к героине.

Вот вам и «Бессмертный полк»!

Татьяна Михайловна ОСИПОВА. Ветеран труда. г. Москва.